

Глава 25

Хань Шаочжоу с треском отдернул штору на балконе, уже приготовившись призвать прячущегося к ответу, но Мо Мина там не оказалось.

Балкон был пуст.

Вечерний ветер врывался сквозь приоткрытую стеклянную дверь, едва заметно колыша бежевую ткань занавесок.

Хань Шаочжоу нахмурился. Если тот не прятался здесь, значит, его недавний разговор с дедом не достиг цели и не произвёл на мальчишку никакого впечатления.

Он плотно закрыл балконную дверь и принялся обыскивать остальные комнаты: кабинет, гостевую спальню, ванную, кладовую...

Заметив в углу кладовки два больших чемодана, Хань Шаочжоу невольно задержал на них взгляд, но в тот момент не придал этому значения.

В спальне он внезапно услышал глухой шум, донёсшийся из гардеробной.

У каждого из них была своя гардеробная, и звук шёл именно из той, что принадлежала Хань Шаочжоу.

Он бесшумно подошёл к двери и вошёл внутрь. Остановившись перед дверцей шкафа цвета натурального дерева, из-за которой доносился отчетливый хруст, Хань Шаочжоу усмехнулся и резким движением сдвинул створку в сторону.

Мо Мин, свернувшись калачиком на полке и обнимая миску с черешней, вздрогнул от неожиданности. Он поспешно проглотил сочную мякоть и осторожно спросил:

— Твой дедушка ушёл?

Хань Шаочжоу с каменным лицом сверлил взглядом своего «пленника».

— Ушёл.

Мо Мин облегчённо выдохнул:

— Ну и хорошо...

— Тебе там удобно?

Встретившись со взглядом Хань Шаочжоу, мрачным, словно грозовая туча, Мо Мин втянул голову в плечи и едва заметно покачал головой.

— Не очень, — прошептал он. — Поясница... поясница всё ещё ноет.

— А мне кажется, тебе там вполне комфортно. Может, подвинешься? Я тоже залезу, составлю тебе компанию.

— Нет, не нужно. Брат Чжоу, не сердись, я уже выхожу.

Мо Мин торопливо выбрался из шкафа с миской в руках. Стоя перед Хань Шаочжоу босиком, он украдкой взглянул на его лицо. Заметив, что тот по-настоящему разозлён, юноша совсем пал духом и виновато пробормотал:

— Прости, я виноват.

— Выходи в гостиную.

Бросив эту фразу ледяным тоном, Хань Шаочжоу развернулся и вышел. Мо Мин, осознавая свою вину, молча поплёлся следом, низко опустив голову.

Оказавшись в гостиной, Хань Шаочжоу опустился на диван. Он уже собирался указать пальцем на место перед журнальным столиком, чтобы Мо Мин встал там и выслушал нотацию, но его взгляд упал на босые ноги юноши. Пальцы на белых ступнях съежились от холода, касаясь ледяного пола.

Гнев, клокотавший в груди Хань Шаочжоу, смешался с досадой.

— Обуйся немедленно!

Мо Мин метнулся за мягкими тапочками, после чего покорно встал перед Хань Шаочжоу. Он тербил край пижамы, поджав губы и опустив ресницы — вид у него был такой, будто его несправедливо обидели до глубины души.

Хань Шаочжоу больше всего не выносил это выражение лица. Стоило Мо Мину так посмотреть, как Хань Шаочжоу сам начинал чувствовать себя виноватым.

Но именно этот жалкий вид всегда безотказно действовал на него. Ярость, совершив в душе Хань Шаочжоу десяток крутых поворотов, так и не нашла выхода. Он едва не начал корить

самого себя за то, что расстроил мальчика.

Хань Шаочжоу всерьёз заподозрил, что этот мальчишка пытается им манипулировать.

— И на что ты обижаешься? — Хань Шаочжоу глубоко вздохнул и холодно приказал: — Подними голову. Посмотри на меня.

Мо Мин медленно поднял взгляд. Его губы были плотно сжаты, а в глазах мерцало беспокойство.

— Зачем ты прятался, когда пришёл мой дед? Разве я не велел тебе ждать в комнате? Что это за фокусы со шкафом?

— Я... я разнервничался, — тихо ответил Мо Мин. — Но я понял, что поступил неправильно.

— И в чём же твоя ошибка?

— В том, что не послушался брата Чжоу. Обещаю, впредь я всегда буду тебя слушаться.

— Ты и в прошлый раз говорил то же самое, а воз и ныне там.

Мо Мин подошёл ближе и, присев рядом, обнял Хань Шаочжоу за руку.

— Я больше так не буду, честно... — проникновенно прошептал он.

— Если повторится снова, ты мне больше не нужен, — намеренно жестко бросил Хань Шаочжоу.

Ему казалось, что за последние несколько лет он слишком разбаловал Мо Мина. Особенно здесь, в Чуаньхае — окружил такой заботой, что тот совершенно перестал чувствовать угрозу своему положению, раз позволил себе так подвести его в критический момент.

Им предстоял долгий путь, и Шаочжоу решил, что пора начать «воспитывать» своего подопечного.

Мо Мин прислонился подбородком к плечу Хань Шаочжоу и пробормотал:

— Я обещаю больше не злить брата Чжоу. Пожалуйста...

Хань Шаочжоу закрыл глаза. Его лицо оставалось бесстрастным, а губы — плотно сжатыми.

Тогда Мо Мин подался вперед и нежно поцеловал его в щеку.

— Брат Чжоу, ну не злись на меня, хорошо?

Хань Шаочжоу демонстративно отстранился, слегка повернувшись в другую сторону, и промолчал.

Мо Мин нахмурился, пересел на диване так, чтобы снова оказаться рядом, и крепко обнял его. Он осыпал лицо Хань Шаочжоу успокаивающими поцелуями, а его голос звучал тонко, словно мяуканье котенка:

— Я правда всё понял... правда...

Только тогда Хань Шаочжоу соизволил приоткрыть глаза и взглянуть на встревоженного юношу.

— Правда? — переспросил он, приподняв бровь.

Мо Мин закивал и поднял руку в клятвенном жесте:

— Клянусь. Если я снова тебя разозлю, то... то...

— То что?

— Я... я пока не придумал.

— Тогда я придумаю за тебя. Если это случится снова, я просто вышвырну тебя отсюда, — Хань Шаочжоу наконец сменил гнев на милость и с усмешкой ущипнул Мо Мина за щеку. — Тебе всё ясно?

Мо Мин смотрел на него, и его взгляд постепенно потух. Он крепче вцепился в руку Хань Шаочжоу и едва слышно произнёс:

— Я ещё... не хочу уходить. Брат Чжоу, не выгоняй меня.

В глазах Хань Шаочжоу блеснуло удовлетворение.

— Испугался?

Мо Мин выглядел поникшим и расстроенным. Помолчав, он медленно кивнул.

Хань Шаочжоу не стал больше тратить слова на разговоры. Он опрокинул юношу на диван, жадно осыпая его поцелуями.

От его раздражения не осталось и следа. Напротив, видя, как Мо Мин заискивает перед ним и пытается загладить вину, он чувствовал глубокое удовлетворение.

Он ясно видел: Мо Мин боится его гнева. Боится потерять его.

Сейчас мальчик казался ему крошечным котенком, которого он крепко держит за загривок. Хань Шаочжоу чувствовал над ним абсолютную власть, и этот контроль дарил ему непривычное чувство безопасности.

Он никогда не любил слушать любовные теории Чжао Чэна, но сейчас невольно вспомнил одну его фразу, которая показалась ему весьма разумной.

Тот, кто держит инициативу в своих руках, решает, куда двинутся отношения и чем они закончатся.

Хань Шаочжоу чувствовал, что в «науке» обращения с Мо Мином он достиг совершенства.

Мо Мин совсем потерял голову от ласк. Хань Шаочжоу, несмотря на возбуждение, помнил, что тот ещё не совсем оправился.

Однако остановиться было уже невозможно. Желание захлестнуло его с головой, и, даже сдерживая себя, он хотел подарить своему «малышу» мгновение чистого блаженства.

Мо Мин внезапно весь напрягся. Он схватил подушку и с силой прижал её к лицу, пытаясь заглушить стоны, вырывающиеся сквозь стиснутые зубы.

Когда Хань Шаочжоу поднял голову и убрал подушку, он увидел, что глаза Мо Мина повлажнели от слез. Лицо юноши пылало, он тяжело и прерывисто дышал.

Хань Шаочжоу тихо рассмеялся и снова потянулся к нему за поцелуем, но Мо Мин в испуге опять спрятался за подушкой.

— Иди прополощи рот. Живо, — едва слышно скомандовал он.

Пребывая в отличном расположении духа, Хань Шаочжоу легонько шлепнул Мо Мина пониже спины и отправился в ванную.

Мо Мин поспешно натянул одежду. Кончики его ушей горели так, будто в них прилила вся кровь мира. Когда Хань Шаочжоу вернулся, Мо Мин демонстративно отвернулся, делая вид, что игнорирует его.

Шаочжоу это лишь позабавило. Довольный, он ушел на кухню, чтобы принести ужин. Когда он вернулся в гостиную, Мо Мин уже сидел на корточках перед подарочными коробками у стены и с любопытством их разглядывал.

— Это мой дед привез. Ему кто-то подарил, говорят, какие-то элитные общеукрепляющие средства, — с улыбкой пояснил Хань Шаочжоу. — Как раз тебе, чтобы быстрее поправился.

Глаза Мо Мина радостно блеснули.

— Если они вкусные, можно мне съесть побольше? — осторожно спросил он.

Хань Шаочжоу усмехнулся:

— Всё твоё. Старик обычно не жалуется на такие продукты, всё, что ему дарят, сразу отправляется на склад. Если тебе понравится, я завтра же велю А Дэ привезти ещё.

Услышав это, Мо Мин перетащил коробки на диван и принялся их распаковывать.

В двух оказались сладости от «Детского пастбища», причем дата изготовления стояла сегодняшняя. Мо Мин попробовал кусочек — нежное, тающее во рту лакомство оказалось восхитительным.

В другой коробке лежали два деревянных футляра с крупными черными и белыми трюфелями, на которых еще виднелись частички земли. В плоской черной шкатулке были аккуратно уложены восемь стеклянных баночек с бурой жидкостью. Судя по этикетке, это был концентрированный отвар из редчайших лекарственных трав. Мо Мин откупорил одну и пригубил. Он ожидал горечи, но вкус оказался мягким и сладковатым, с легким чайным послевкусием. Очень вкусно.

Хань Шаочжоу расставил тарелки на столе и подошел к дивану. Глядя на то, как Мо Мин с довольным видом облизывает губы, он не удержался от смеха:

— Раз тебе так по душе, может, в другой раз отвезти тебя на наш склад? Устроим тебе игру в «тайные коробки» — бери всё, что приглянется.

Мо Мин покачал головой и серьезно ответил:

— Это ведь вещи твоего дедушки.

Хань Шаочжоу присел рядом, достал из набора баночку с отваром, отвинтил крышку и протянул Мо Мину.

— Знаешь, если я скажу деду, что мы с тобой встречаемся, он сам перевезет тебе весь склад. Веришь? — многозначительно улыбнулся он.

— Но мы ведь с братом Чжоу никогда не сможем по-настоящему влюбиться друг в друга...

Мо Мин мягко улыбнулся. Он взял из рук Хань Шаочжоу баночку, сделал глоток, а затем, облизав губы, залпом допил всё содержимое.

Действительно, очень вкусно. В желудке сразу разлилось приятное тепло.

Мо Мин хотел взять еще одну баночку, но стоило ему потянуться к коробке, как его руку внезапно перехватили.

Юноша замер и непонимающе взглянул на Хань Шаочжоу. Тот уже не улыбался — он нахмурился и смотрел на Мо Мина тяжелым, мрачным взглядом.

— Что... что случилось? — растерянно спросил Мо Мин, чувствуя, как внутри нарастает тревога. — Мне нельзя больше пить?

В глубине глаз Хань Шаочжоу словно закипала буря. Лицо его потемнело, он хотел что-то сказать, но передумал. Резко отпустив руку Мо Мина, он поднялся и направился к столу. Его голос теперь звучал совершенно бесстрастно:

— Хватит. Иди есть.

Почувствовав, что атмосфера в комнате мгновенно изменилась, Мо Мин покорно сел за стол.

— Вкусно, — произнес он, разжевывая гриб и пытаясь разрядить обстановку лестью. — Невероятно вкусно. Лучше, чем когда-либо. Брат Чжоу, ты стал готовить намного лучше.

— Это не я готовил, — отрезал Хань Шаочжоу, и взгляд его стал ещё мрачнее. — Это приготовил телохранитель деда.

— ...

Поняв, что его попытка угодить провалилась с треском, Мо Мин замолчал и уткнулся в свою тарелку, быстро работая палочками.

Хань Шаочжоу сидел напротив и сверлил взглядом юношу, который уплетал ужин за обе щеки. Лицо его становилось всё мрачнее.

Что Мо Мин имел в виду, сказав ту фразу?

Неужели он настолько запугал его угрозами, что тот теперь даже в мыслях не смеет надеяться на что-то большее?

<http://bllate.org/book/15854/1437533>